

губернатора – всего 26 человек. В состав городской администрации вошли ее глава, заместители главы администрации, руководитель аппарата, председатели комитетов, начальники управлений и комиссий – всего 24 человека. В состав областной думы – 36 депутатов, в состав городской думы – 40 депутатов.

² URL: www.srd.ru, www.saratovduma.ru, www.saratov.gov.ru, www.saratovmer.ru (дата обращения: 30.06.2010).

³ При выборе данных характеристик мы во многом опирались на опыт видного исследователя региональных элит, доцента кафедры политических наук СГУ им. Н.Г. Чернышевского Д.В. Попонина и его монографию: Проблемы оптимизации системы регионального элитобразования в современной России. – Саратов: ОАО «Приволжское книжное издательство», 2006.

⁴ См., напр.: Николаев А.Н. Становление технократической элиты в России. Саратов, 1995.

УДК 32:130.3

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ВОЕННЫХ: ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

Н.И. Шестов, А.В. Кучеров

Саратовский государственный университет
E-mail: nikshestov@mail.ru

В публикации выделен ряд принципиальных моментов, характеризующих противоречивость и относительную неполноту современных теоретических представлений о корпоративной идентичности российских военнослужащих и об их общей социально-политической идентичности.

Ключевые слова: корпоративная идентичность, противоречия политической социализации, армия и общество, теоретические проблемы выявления идентичностей.

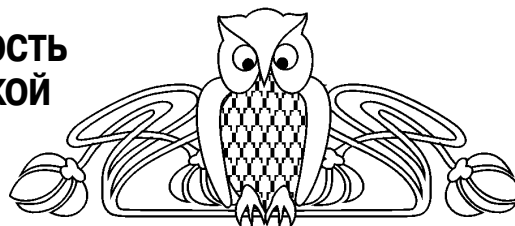
Socio-political Identity of the Military: Problems of Conceptualization of Political Science

N.I. Shestov, A.V. Kucherov

The publication highlighted a number of fundamental factors that characterize inconsistency and the relative incompleteness of theoretical concepts of corporate identity of Russian troops and their general socio-political identity.

Key words: corporate identity, contradictions of political socialization, the army and society, the theoretical problems of identifying identities.

Чем сложнее становится современное научное представление о свойствах политических процессов, о характеристиках того политического пространства, в котором эти процессы развиваются, тем чаще исследователи обращаются к понятию «идентичность». Понятие это сегодня в полном смысле становится одним из ключевых в языке политической науки. В этом, вероятно, есть смысл. Политическая наука выделяет данное понятие в качестве инструмента оптимизации своих системных представлений о политическом процессе, об активности его субъектов. Идентичность является тем качеством, которое роднит всех политических субъектов, независимо от их места и роли в политической жизни, иерархического (неформально-традиционного, или формально-правового) статуса, реальной политической функциональности.

С другой стороны, идентичность присуща и тем политическим объектам, с которыми данные многочисленные субъекты взаимодействуют и на которые они переносят свои идентичности, тем самым закрепляя за собой определенные сферы в политическом пространстве. Институт, всегда считавшийся общественным, местное самоуправление, например, может довольно быстро приобрести в глазах общества и властвующей элиты фактически статус института государственной политики и даже административного института (что, собственно, и произошло в современной России) вследствие того, что субъекты государственной политики, особенно регионального уровня, по ходу воздействия на него наделили его собственной идентичностью. Муниципальные служащие в результате воспринимают себя как государственных служащих. И население, со своей стороны, воспринимает их в том же духе.

Такая идентичность, которой политический субъект наделил объект своего воздействия (институт, или группу субъектов, расположенных ниже по иерархической лестнице), может закрепиться за этим объектом и сохраняться даже тогда, когда воздействие прекратилось или вообще сам субъект исчез из политической реальности. Например, активно действующие в Европе и Северной Америке гражданские общества наделили, по ходу многих политических конфликтов и реформ, политические партии идентичностью института гражданского общества. Это понимание закрепилось за всем, что политическая наука способна определить как «политическую партию», хотя в реальности данная «партия» может иметь необщественную (проэлитарную, например) направленность деятельности.

Нечто подобное можно наблюдать и в сфере современной российской военной политики. Давно не существует тех государственных и партийных институтов, которые во времена Советского Союза наделили армию, как коллективного субъекта

екта и одного из главных объектов идеологической работы, специфической идентичностью армии народной, лучшей в мире и ответственной за мир во всем мире, являющейся главным предметом забот общества и государства. За последние десятилетия радикально изменилась военная политика Российского государства, включая стратегию подготовки и переподготовки профессиональных кадров для армии, работу с призывниками, решение социально-экономических и культурных проблем военнослужащих. Но и общество, и элиты, и сами военнослужащие постоянно воспроизводят по ходу политического участия идентичности, упомянутые выше. Они закрепились за современной Российской армией как важнейший индикатор ее статуса в социально-политической системе России. И они служат, что особенно важно, тем контекстом, в рамках которого новые поколения военнослужащих формируют свою гражданскую, экономическую, правовую и корпоративную идентичности.

Это тот ресурс культуры военной среды, из которого осуществляется наделение «советской идентичностью» военнослужащих и целых их групп в постсоветской России. И в процессе этого наделения возникает проблема, которая, как представляется, и в теоретическом, и практическом своем измерении является ключевой для понимания специфики и трудностей современной военной политики нашего государства и для положения армии. Суть ее состоит в том, что обойтись одной, образно говоря, «наследственной» идентичностью армейская среда, как и любая развивающаяся социальная структура вообще, не может. Она постоянно вырабатывает новые способы и признаки идентичности, соответствующие быстро меняющимся общеполитическим условиям. А в современной модернизирующейся России условия эти меняются с очевидной быстротой. Действенным в отношении новаций идентичности оказывается часто и знакомство с зарубежным опытом идентичности военнослужащих, которое в последние десятилетия также идет достаточно интенсивно в ходе обмена опытом между Российской армией и, например, армиями государств, входящих в НАТО. И в условиях, когда прежние, советские принципы и механизмы идентичности российских военнослужащих существенно, часто диаметрально противоположны тем, которые предписывают военнослужащим условия либеральной модернизации и либеральный в своих основах зарубежный опыт, в системе идентичности происходит неизбежный сбой. Своего рода раздвоение коллективного «Я» военнослужащих.

Это раздвоение не имеет обязательного характера. Оно имеет свойство той возможности выбора модели поведения и мышления, которая реализуется человеком ситуативно, в режиме индивидуального выбора военнослужащего, и

потому трудно поддается научному обобщению, подведению под определенную общую схему. Военный человек имеет возможность манипулировать своей идентичностью, используя ее как инструмент для решения конкретных, тактических проблем своей повседневной жизни, и при этом не формировать какой-либо определенной стратегии идентификации. Разные модели идентичности могут у него быть ничем, кроме его личности как таковой, не связанными между собой. И даже взаимно противоречить: идентифицируя себя на службе как защитника интересов государства и общества, современный российский военный, особенно служащий в небольших воинских частях, после службы возвращаясь в круг общения с гражданскими людьми, занятыми бизнесом или работающими, скажем, в административной сфере, или в круг общения со своими безработными домочадцами, имеет все реальные возможности для выработки идентичности субъекта, являющегося жертвой этих самых государственных интересов, на страже которых он обязан стоять. «Российский офицерский корпус, – констатирует один из современных исследователей, – всегда был чуток к проблеме престижа и доверия к военной службе, то есть ориентировался на социально-репродукционный капитал. Кризис социальных институтов, социально-ценностная аномия в российском обществе вызывают сдвиг интересов и предпочтений офицерского корпуса на микросистемный уровень, и семья выступает как основание идентификации, саморегуляции и определения социальных позиций ...»¹. С этим выводом согласуется и другое социологическое наблюдение: «Наиболее острыми проблемами, по признанию министра обороны РФ, являются низкий престиж военной службы и неудовлетворительное социальное положение военнослужащих. Это связано, прежде всего, с низким уровнем денежного содержания (34% семей военнослужащих имеют доходы на одного члена семьи ниже прожиточного минимума), отсутствием жилья (90 тыс. военнослужащих не обеспечены постоянным и 45,5 тыс. – служебным жильем, в том числе 25% всех и 70% офицеров в возрасте до 30 лет), плохим материальным и медицинским обеспечением»².

И получается, таким образом, что политическая наука в своем стремлении выявить некую общую тенденцию в развитии идентичности российских военнослужащих сталкивается с проблемой выделения объекта, который постоянно имеет тенденцию приобретать «неполитические» очертания. Возможно поэтому, когда речь заходит об актуальности проблемы идентичности военнослужащих, все исследователи делают акцент на ее политическом звучании, утверждают, что идентичность требует изучения как важнейший фактор политической модернизации России. Но при этом в структуре самих исследований абсо-

лютно доминирует социологический ракурс и проблема эта рассматривается как проблема развития определенной социальной группы. Для политологического исследования это объективная проблема. Реально перед глазами исследователя существует многоуровневая конструкция, состоящая из ряда вполне самостоятельных моделей идентичности. Повернуть научный анализ в политологическое русло можно, если критически отнестись к доминирующей теоретической парадигме. Представляется, что над большинством исследователей современной военной политики в России продолжает довлеть та самая советская модель отношения к идентичности военнослужащих, о которой уже упоминалось: идентичность военнослужащего, согласно этому представлению, должна быть прямой, «как полет стрелы», и однозначной в своем смысловом основании. Как, например, военный приказ. Любые моменты «размытости» в понимании военным человеком своего местоположения в социально-политическом процессе уже воспринимаются как нежелательное отклонение, как девиации, вызванные трудностями современной российской модернизации или несовершенством механизмов работы с кадрами в Российской армии. Речь идет о традиции выявления политической идентичности военных по стандартному ряду индикаторов. Обычно в этом ряду фигурируют такие параметры идентичности, как патриотизм, государственническое мышление, устойчивость к идеологическим «диверсиям».

Следует заметить, что фактически этот ряд воспроизводит структуру той программы по формированию идентичности не только военных, но и общества в целом, которая осуществлялась в советскую эпоху. Исследователи, когда они пытаются выяснить, что в идентичности изменилось, дополняют этот ряд другими параметрами. Но, и в этом главная проблема, они ищут в этих различных позициях, высказываемых людьми, какой-то смысловой органичности, логической последовательности. Тогда как, фактически, по ходу опросов выявляются именно моменты алогичности, конфликтности различных позиций, благодаря чему, собственно, современный российский военнослужащий предстает перед сторонним наблюдателем участником политического процесса с недостаточно понятной субъектностью и недостаточно прогнозируемой перспективой такого участия. Идея перехода к профессиональной армии в России, как представляется, периодически возвращается в пространство научных и политических дискуссий не в последнюю очередь потому, что в ней видят средство придать этой неорганичной политической идентичности военных больше органичности и простоты. Эта идея подразумевает, что можно будет все традиционные для науки параметры исключить и ориентироваться только на один, ключевой параметр – материальную обеспечен-

ность. Или, в крайнем случае, ориентироваться на два ключевых параметра, если добавить к материальной обеспеченности еще и правосознание военнослужащих.

В каком-то смысле для конкретного военнослужащего «размытость» его общегражданской, повседневно-общественной идентичности на фоне устойчивой профессионально-корпоративной идентичности (также включающей элементы политической идентичности, в частности, в форме патриотических настроений и ценностей) является даже выигрышным моментом. Она создает объективную почву для концентрации внимания военнослужащего на более четких корпоративных индикаторах его социального статуса. И это, как можно предположить, обеспечивает эффективность корпоративной адаптации к российской модернизации армия в целом последовательно действовала как политический субъект строго в этих отведенных ей законодательством и традицией рамках.

И эту выигрышность сочетания ключевых определенностей и ключевых неопределенностей в определении военнослужащим своего места в жизни устойчиво констатируют социологические исследования: армейская среда оказалась более устойчивой к вызовам нынешней модернизации, нежели многие другие социальные группы. В частности, эта устойчивость обнаруживает себя в том, каким образом военная среда реагировала на нарастание этнических и социальных конфликтов в современной России в последние десятилетия. По мнению отечественного исследователя Р. Сабитова, это происходит потому, что: «В течение службы в армии человек, в силу специфики своих обязанностей и социального статуса, как бы выпадает из сферы влияния тех или иных национально-государственных идеологий. И сталкиваясь с представителями других национальностей, он едва ли может использовать аргументы и стереотипы этих идеологий – тем более что армейские коллективы – это группы скорее инструментальные, чем социальные, и скорее реальные, чем статистические. Поэтому использование каких бы то ни было общих социальных стереотипов, в том числе и этнических, здесь неэффективно. А в некоторых ситуациях могут формироваться собственные – армейские – варианты этих стереотипов»³.

Но государственная политика, которая должна ориентироваться на среднесрочные и долгосрочные прогнозы самочувствия армейской среды, оттого что многие индикаторы политический идентичности военнослужащих являются включенными в структуру их профессионально-корпоративной идентичности, тогда как их

общегражданская позиция за счет этого оказывается «размытой», со всей очевидностью от этого проигрывает. И здесь как раз проходит водораздел между оценочными позициями социологов и политологов, для которых «размытость» идентичности военнослужащего выглядит уже не вопросом социального самочувствия, а государственной политической проблемой, проблемой определения границ политической субъектности военнослужащего, политической стратегии и тактики взаимодействия с ним государственных и общественных структур, проблемой, решение которой требует выделения в составе идентичности в качестве предмета политологического исследования ряда критериев идентичности. Принцип связи этих критериев в систему, позволяющую представить идентичность в целостности, должен быть иным, отличным от устоявшегося традиционного подхода, подразумевающего прямолинейность и непротиворечивость модели идентичности военнослужащего.

Оптимальный, как представляется, способ свести все эти уровни в границы одной модели – это выявить линии пересечения этих уровней идентичности, выявить, где и как они в повседневности между собой сталкиваются, и каким образом на личностном уровне это столкновение позволяет военнослужащему одновременно ощущать себя гражданином и кем-то иным, чей общественный статус выходит за рамки представлений о гражданственности в ее среднестатистических проявлениях.

Такая корректировка теоретического ракурса имеет и чисто практический смысл. Уже лет двадцать как в информационном пространстве России существует интересная ситуация. С той же активностью, с которой одни СМИ с фактами на руках насаждают в массовом сознании понимание пользы военных реформ для государства, общества и общественно-политической идентичности военнослужащих, другие с фактами на руках (опросами военнослужащих, например⁴) доказывают пагубность этих реформ прежде всего именно для формирования гражданской политической культуры военных, для их экономических, правовых и корпоративных идентичностей. Сообразно этим фактам получается, что правы и те, и другие, что рождает эффект беспредметности спора и, естественно, создает предпосылки для того, чтобы государственные институты, ответственные за военную политику, меньше всего стремились согласовывать свои действия с общественным мнением, с какими-то аргументами тех политических аналитиков, которые заявляют о себе как о выразителях общественного мнения.

Доктор политических наук С.А. Мельков объясняет неопределенность позиции руководства России в отношении всех этих дискуссий за и против различных вариантов военных реформ особенностью той информационной картины,

которую имеет перед собой руководство: «Очевидно, что постоянное увеличение количества национальных ресурсов, выделяемых на оборону, должно приводить к росту результатов деятельности органов военного управления. По всей видимости, долгое время руководство нашего государства имело иную информацию, не позволяющую оценить действия органов военного управления как эффективные»⁵. Другой современный специалист по современным армейским проблемам, К.Л. Банников, в своем грантовом исследовании пишет: «На пути к переходу армии на профессиональную основу стоят не столько объективные социально-экономические проблемы, сколько сопротивление высших эшелонов военного командования»⁶.

Дело, однако, что тоже можно предположить, не в достоверности или недостоверности той или иной информации и не в косности военного руководства, а в том, что за этой информацией (что, в свою очередь, стимулирует и косность руководства) не стояло прежде и сегодня по-прежнему не стоит согласованной позиции сообщества аналитиков. Они стремятся представить руководству страны и армии целостную и непротиворечивую картину ситуации, дать рекомендации, реализуемые на практике, но это у них никак не получается.

Почему? Можно предложить объяснение причины такой неудачи. Самая очевидная причина, о чем уже упоминалось выше, состоит в том, что при теоретическом исследовании состояния военной среды как определенной системы социально-политических, правовых, экономических и культурных отношений обычно не учитывается разноуровневый, можно сказать – эклектический характер идентичности военных (где бок о бок сосуществуют идентичности советские, современные либеральные, корпоративные служебные и корпоративные бытовые). Все эти уровни связаны между собой. Но вопрос состоит в том, можно ли все эти связи, в силу их изначальной взаимной противоречивости, подвести под одну теоретическую модель? Это вопрос о том, насколько теоретически была эффективна стратегия выведения общей модели политической идентичности советского, российского военнослужащего, исповедовавшаяся многими отечественными исследователями в последнее время.

Перспективным видится теоретический ракурс, который был бы основан именно на признании этого конфликта ценностей, идей, стратегий поведения в политике и в быту, на работе нормой и концентрировал бы внимание исследователя именно на моментах этой конфликтности, выступающей наиболее очевидным стимулом к тому, чтобы военный человек, занятый службой и решением бытовых проблем, озабоченный необходимостью повышать свой образовательно-профессиональный

уровень и учить детей, проявил интерес к политике как первоисточнику многих этих проблем и в то же время способу их решения, то есть проявил интерес к активному политическому участию. Теоретический ракурс, который исходил бы из того, что именно благодаря внутренней противоречивости идентичности военнослужащих они как политические субъекты в течение всего периода современной российской модернизации сохранили устойчивость своей гражданской, патриотической и профессиональной позиции.

Такое изменение принципа организации теоретического ракурса исследования идентичностей военнослужащих способно решить еще одну проблему, связанную с необходимостью для политической науки понять идентичность не как статичную реальность, а как динамичный процесс, включенный в общий процесс эволюции политической культуры определенной общественной группы, военнослужащих в данном случае.

В определенной степени в пользу эффективности такого теоретического подхода свидетельствуют результаты современных проблем политической социализации российской молодежи в условиях модернизации. В частности, в докторской диссертации саратовского исследователя Э.В. Чекмарева на основе обобщения значительного социологического материала делается вывод: «Как субъект модернизационных преобразований современная молодежь быстрее, чем старшее поколение, адаптируется в меняющемся мире, не находится в антагонизме ни со старшим поколением, ни с властью. Основными ее характеристиками являются: свобода, инициативность, высокий уровень образования, амбициозность, устремленность в будущее, разумный консерватизм, желание видеть Россию великой мировой державой с демократическим устройством»⁷. Следует заметить, что в один ряд автором поставлены характеристики молодежной среды, которые можно считать если не взаимоисключающими, то вполне автономными, неорганичными друг другу. Эта неорганичность базовых характеристик политической культуры молодежной среды еще более заметна в другом суждении упомянутого исследователя: «В целом состояние духовно-нравственного потенциала признается автором как модернизационно-консервативное. В пользу модернизма свидетельствуют тяготение молодых людей к активистской политической культуре, свободе самовыражения, равенству граждан перед законом. Вместе с тем в духовном облике молодежи представлены такие консервативные идеи, как: уважение государства и порядка, образа великой России, ценности семьи, нации, традиций, религии»⁸.

В структуре сообщества людей, причастных к воинской службе, существенную долю составляют люди молодые, проходящие школу

первичной социализации. Можно предположить, таким образом, что внутренняя противоречивость общегражданских и профессионально-корпоративных основ политической идентичности военнослужащих в определенной мере воспроизводит общую ситуацию с политической идентичностью молодежи, в частности, тенденцию к стабилизации этих идентичностей за счет того, что противоречащие друг другу ценностные установки как бы уравнивают друг друга в ходе жизнедеятельности человека, побуждают его не делать однозначного выбора в пользу какой-либо однозначной жизненной стратегии, а проявлять свою идентичность в соответствии с требованиями конкретной политической, экономической, бытовой ситуации.

С другой стороны, есть справедливость в известной установке массового сознания, что «армия любого сделает человеком». Установка эта отражает тот достаточно заметный факт, что «размытость» идентичности военной среды гораздо менее выражена, чем это имеет место в молодежной среде в целом. Это позволяет поставить вопрос о существовании определенного механизма выравнивания дисбаланса разного рода идентичностей в военной среде, механизма, который можно представить себе в виде устойчивой системы морально-психологических, социально-политических и культурно-экономических конфликтов, которые в совокупности уравнивают друг друга настолько, что вся система идентичности, в принципе, выглядит более-менее устойчивой. Главное, что устойчивость такого пространства конфликтов создает для военнослужащего возможность адаптироваться к ним и использовать для такой адаптации правовые, культурные и экономические корпоративные технологии своей социальной и профессиональной среды. Возможно поэтому, что как раз вхождение молодого человека в военную среду и представляет собой самостоятельный процесс приведения прежних разрозненных и мало связанных между собой идентичностей в некую систему конфликтов. Образно говоря, два стиля повседневной жизни – военный и гражданский – настолько противоречат друг другу, что молодой человек в принципе не может сохранять аморфности своей идентичности, он вынужден внимательнее относиться к проблеме самоопределения в окружающем пространстве и в своей повседневности четче воспроизводить конфликты между идеями, нормами и принципами, традициями и убеждениями, которые он привнес из гражданской жизни и которыми живет военная среда. Инструментом не устранения этих противоречий, а именно приведения их в устойчивое состояние, при котором, например, несоответствие двух моральных норм воспринимается как вполне естественное, как то, что и определяет отличие человека военного от человека гражданского, инструментом выступает

организованное насилие в различных узаконенных и не узаконенных его формах.

Исследователь К.Л. Банников, чье авторитетное мнение по проблемам современной Российской армии уже было цитировано, вводит для определения свойств процесса перехода человека от гражданской идентичности к идентичности военнослужащего (то есть идентичности, по сути основанной на не противоречии норм и ценностей, обычно противоречащих друг другу) понятие «человеческий концентрат».

Необходимо отметить, что, если принять во внимание общий контекст авторских употреблений этого понятия, оно, это понятие, изначально лишено негативно-оценочного смысла, не направлено на умаление моральных и интеллектуальных способностей военнослужащих. Оно с позиций социальной антропологии обозначает структурные особенности и вытекающее из них то качество организации социальной среды, при котором ее внутренние связи претерпевают существенные изменения. А именно приходят в такое состояние, что вещи, прежде несовместимые в сознании индивида, начинают сосуществовать в виде элементов специфической системы.

«“Человеческий концентрат”, – пишет К.Л. Банников, – среда высокого внутреннего давления. Здесь межличностные отношения отличаются повышенной агрессивностью, а насилие утверждается в качестве института социальной коммуникации. Это оказывает существенное влияние на психику каждого из участников коммуникации и приводит к трансформации сознания. В современной Российской армии насилие представлено в двух уровнях одной системы социального контроля: 1) “механический” фактор консолидации (насильственный призыв); 2) “генетически” сформировавшаяся в условиях “механической” консолидации система статусных отношений (“дедовщина”). Обе направлены на подавление свободы личности, поэтому бытовое насилие и агрессия актуализируются как способ конкуренции и не столько за ресурсы жизнеобеспечения (необходимый минимум которых здесь положен каждому), но за средства самовыражения, в числе которых – право на переоформление всех единообразных элементов уставного жизнеобеспечения в разнообразных знаках и символах социальной иерархии. В результате в группах “механической” консолидации естественным образом складывается упорядоченная система доминантных отношений. В ходе этого процесса происходит идеологическое переосмысление бытового насилия. Осмысленное в социальной парадигме насилие составляет каркас системы ценностей в армии и, по закону апологии образа жизни социума, превращается в его идеологию, чем, наконец, формирует идентичность его членов»⁹. В категорию «механический фактор» правомерно, на наш взгляд, было бы включить и

насильственно предписываемую человеку, даже если это не солдат срочной службы, а контрактник или кадровый офицер, иерархию отношений начальствования и подчинения, своего рода «механику корпоративного существования», а также насильственно предписываемую логику приказно-исполнительских отношений. В целом можно сказать, что непротиворечивость вещей, которые должны были бы по своему внутреннему свойству противоречить друг другу, достигается внедрением насильственной механизации всей структуры корпоративных отношений в среде военнослужащих, и эта механистичность, вероятно, является одной из возможных позиций, с которых можно пытаться объяснить общие свойства идентичности военнослужащих вообще и их политической идентичности, в частности.

Можно предположить, что именно это вторжение насилия, совершенно организованного на уровне механики существования корпорации, интегрированной в российскую социально-политическую структуру, стремящуюся жить по диаметрально противоположным законам либеральной демократии, делает проблему самоидентификации военных столь актуальной для современной политической науки.

Примечания

- ¹ *Тараник С.А.* Социально-мобильный потенциал семьи офицера Вооруженных сил Российской Федерации (На примере семей офицеров новочеркасского гарнизона): Автореф. дис. ... канд. социол. наук. Ростов н/Д., 2006. С. 3.
- ² *Куцёв Н.П.* Отношение офицеров Вооружённых сил России к перспективам военной службы // Материалы III Всероссийского социологического конгресса. М.: Ин-т социологии РАН, Российское общество социологов, 2008. [Электронный ресурс]. URL: http://www.isras.ru/abstract_bank/1210255650.pdf (дата обращения: 24 мая 2010 г.).
- ³ *Сабитов Р.* Этнические стереотипы во взаимоотношениях военнослужащих. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tatar-history.ru/voeniy.htm>. (дата обращения: 7 июня 2010 г.).
- ⁴ Как утверждает автор одного из недавних социологических исследований, «... военнослужащие считают, что “современное реформирование не способно качественно улучшить положение армии, поднять ее престиж”, поскольку требуется более комплексный подход. На данный момент осуществляется решение частных вопросов в материально-бытовой области, однако у большей части подрастающего поколения отсутствует понимание воинской чести, долга перед страной, патриотизма»/ (См.: *Якушина Н.В.* Социальный престиж современной российской армии // Материалы III Всероссийского социологического конгресса (дата обращения: 24 мая 2010 г.).
- ⁵ *Мельков С.А.* В чем суть современного политического заказа к вооруженным силам России? // Материалы

III Всероссийского социологического конгресса (дата обращения: 24 мая 2010 г.).

- 6 Банников К.Л. Антропология экстремальных групп. Доминантные отношения военнослужащих срочной службы Российской Армии. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2002, [Электронный ресурс]. URL: <http://lit.lib.ru/d/dedovshchina/bannikov-01-antropolog.html> (дата обращения: 1 мая 2010 г.).

shtml (дата обращения: 1 мая 2010 г.).

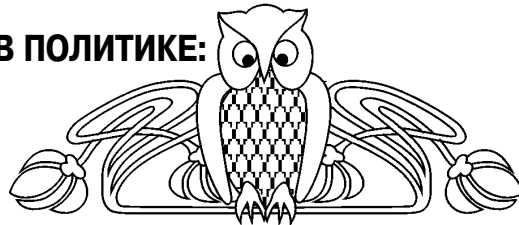
- 7 Чекмарев Э.В. Роль молодежи в политической модернизации постсоветской России: Автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Саратов, 2009. С. 20.
- 8 Там же. С. 31.
- 9 Банников К.Л. Указ. соч.

УДК 321.015

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ПОЛИТИКЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ

И.И. Кузнецов

Саратовский государственный университет
E-mail: politbum@mail.ru

На основе анализа существующих теоретических подходов к изучению трансформации политических институтов дается авторское видение адекватности используемых понятий. Автор указывает на ряд особенностей современных подходов к использованию зарубежного опыта строительства демократических политических институтов в незападных государствах.

Ключевые слова: политические институты, государственная власть, трансплантация институтов, заимствование институтов, современные политические процессы России.

Institutional Borrowing in Politics: Current Approaches

I.I. Kuznetsov

Based on analysis of existing theoretical approaches to the study of transformation of political institutions is given the author's vision of the adequacy of the concepts. The author points to several features of contemporary approaches to the use of foreign experience in the construction of the democratic political institutions, in non-Western states.

Key words: political institutions, political power, the transplantation of institutions, the borrowing institution, the modern political processes in Russia.

Среди терминов, используемых для обозначения процесса институциональной трансформации (и в некоторых случаях ее результата), широко применяются в политологической науке «импорт» и «трансплантация», в правовой – «рецепция». Экономические корни понятия «импорт» вполне очевидны. Хотя применимость данной категории в политологическом анализе вызывает вопросы. В экономическом словаре «импорт» раскрывается как «ввоз товаров, услуг, ценных бумаг и др. из-за границы для реализации на внутреннем рынке ввозящей страны»¹. При этом всегда указывается, что государство может как содействовать, так и препятствовать этому процессу различными способами (от таможенной и налоговой политики до реализации конкретных программ ограничения рынка и протекционизма) в зависимости от выбранной экономической стратегии. В таком

ракурсе импорт политических и правовых институтов представляется как целенаправленная деятельность государственной власти по насыщению политической и социальной системы такими установлениями, которые будут напрямую конкурировать с имеющимися традициями и нормами. Сторонники такой позиции (в основном экономисты, но не только они) полагают, что такая конкуренция желательна и необходима в силу потребностей интеграции отечественной экономики в мировую, формирования открытой политической системы: «само понятие “удачной реформы”, или модернизации, подразумевает, пусть и в неявном виде, удачный опыт копирования “западных” институтов - институтов рыночной экономики и правового государства, обеспечивающих выход на траекторию долговременного экономического роста за счет сочетания высокой устойчивости к политическим и экономическим шокам с высокой гибкостью, приспособляемостью к новым условиям хозяйствования»².

Термин «трансплантация», очевидно, имеет происхождение из медицинского дискурса, где означает: «(на средневековой латыни *trasplatio* — пересаживание) пересадка органов и тканей человека и животных. Как хирургический метод известна с глубокой древности. Используется трансплантация кожи, мышц, нервов, роговицы глаза...»³. В правовой литературе часто используется и ряд других терминов, которые наряду с предыдущим отражают сущность этого процесса: «донор», «реципиент», «трансплантант» и т.д. Здесь, на наш взгляд, имеет место скорее эксплуатация внешнего образа, поскольку такое метафоричное описание сложного процесса дает возможность представить основные его этапы и возможные последствия. Такое мнение поддерживает и российский исследователь П.В. Панов: «эта образная аналогия представляется весьма удачной, так как схватывает некоторое действительно имеющее место сходство между обществом и живым организмом»⁴. Российские либеральные